W 456
239
1912 №4
1913 №1, 3

ЗВѢЗДОЧКИ

Книжечка 1.

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА.

Съ рис. С. Маклецова.

X/3/5510

Kn/4569

2014078873

456
239

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

КНИЖЕЧКА I.

РИСУНКИ С. МАКЛЕЦОВА.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
84057-46

КНИГА ИМЕЕТ:

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1932 г.
6	3	1, 3-4				П	669/1887	9

16/1-0100000

92

96

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Вѣроятно, каждый изъ читателей знаетъ на память или, по крайней мѣрѣ, слыхалъ отъ другихъ басни „дѣдушки Крылова“. Кому неизвѣстны, напримѣръ, „Демьянова уха“, „Стрекоза и муравей“, „Мартышка и очки“ и другія. Ихъ заучиваютъ и въ школѣ, и дома; разыгрываютъ на ученическихъ праздникахъ и спектакляхъ. Въ этихъ басняхъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, подмѣчаются смѣшныя стороны людей, ихъ недостатки, въ которыхъ они часто не хотятъ сознаться; ихъ увѣренность, что все, что бы они ни дѣлали—хорошо, тогда какъ, посмотрѣвъ со стороны, — многое кажется неладнымъ и смѣшнымъ. „Смотрѣть со стороны“—и умѣлъ „дѣдушка Крыловъ“. Благодаря своему тонкому, наблюдательному уму—Иванъ Андреевичъ въ басняхъ, разска-

зывая, какъ будто бы о животныхъ, изображалъ подъ ними людей, которые особенно рѣзко выдѣлялись своими смѣшными сторонами и недостатками. Всѣ вы знаете, какихъ людей надо понимать подъ безпечной стрекозой; подъ мартышкой, въ напрасномъ гнѣвѣ разбивающей очки; подъ Демьяномъ, не знающимъ чувства мѣры и т. д. Въ настоящей книжкѣ мы даемъ нѣсколько басенъ, наименѣе знакомыхъ, но такихъ же цѣнныхъ и интересныхъ, какъ и любимыя вами, а вы—подумайте, что въ нихъ высмѣивается и къ какимъ людямъ и положеніямъ ихъ можно подвести.

Читая басни Крылова, хочется знать и о жизни этого талантливаго писателя. Иванъ Андреевичъ родился въ Москвѣ, во времена Екатерины Великой. Былъ онъ сынъ бѣднаго офицера. Въ горькой нуждѣ протекло дѣтство мальчика; по службѣ отцу часто приходилось переѣзжать съ мѣста на мѣсто; семья перекочевывала вмѣстѣ съ нимъ, и, благодаря такой жизни,—маленькому Крылову не пришлось, какъ слѣдуетъ, учиться въ школѣ.

Послѣ смерти отца, когда мальчику было 12 лѣтъ, жизнь стала еще тяжелѣе. Семья жила въ то время въ Твери, безъ всякихъ средствъ; мать бралась за всякую работу — даже была читальщицей по покойникамъ, а Ивану Андреевичу пришлось поступить на службу въ судъ, гдѣ ему назначено было жалованье 2 рубля въ мѣсяцъ.

Не мало горя видѣлъ мальчикъ на своей службѣ, но и среди такой обстановки онъ старался пополнить свое скудное образованіе. Крыловъ съ дѣтства любилъ наблюдать; присматривался къ людямъ, вникалъ въ ихъ жизнь; свободное отъ занятій время онъ проводилъ среди простого народа, посѣщая съ особымъ удовольствіемъ базары, народныя сборища и т. п., гдѣ толкался между пестрой толпой, прислушиваясь къ рѣчамъ простолюдиновъ, и, такимъ образомъ, онъ близко познакомился съ народнымъ языкомъ, поговорками, пословицами, что такъ ему пригодилось впослѣдствіи. Не мало пользы принесъ Крылову и сундукъ съ книгами, един-

ственное наслѣдство, доставшееся ему послѣ смерти отца. Мальчикъ подолгу сидѣлъ съ книгой, съ увлеченіемъ читалъ, стараясь восполнить недостатки своего воспитанія. На пятнадцатомъ году онъ написалъ свое первое сочиненіе для театра, но оно вышло очень плохо. Посовѣтоваться о своихъ желаніяхъ, первыхъ опытахъ писательства, ему было не съ кѣмъ и—кто знаетъ?—быть можетъ, такъ бы и заглохъ талантъ баснописца, если бы онъ остался въ провинціи. Но на счастье—мать съ дѣтьми переѣхала въ Петербургъ, разсчитывая устроиться тамъ и выхлопотать за отца пенсію. Здѣсь Крыловъ поступилъ на службу, тоже на маленькое жалованье; познакомился съ нѣсколькими образованными людьми, посѣщалъ театры и самъ писалъ разныя сцены, которыя доставляли своимъ неуспѣхомъ много горя юному писателю. Когда Крылову было 22 года — умерла его мать и на его рукахъ остался маленькій братъ его Левъ, о которомъ онъ нѣжно заботился всю свою жизнь. Вскорѣ

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

послѣ смерти матери онъ бросилъ службу, поступилъ домашнимъ учителемъ, пробовалъ издавать журналы, писать піесы — словомъ, переиспыталъ всего очень много. Уже въ сорокъ лѣтъ, когда Иванъ Андреевичъ написалъ первыя басни, онъ пережилъ счастье писателя, оцѣненнаго и понятаго публикой. Съ этихъ поръ Крыловъ какъ бы сталъ на настоящую дорогу и сдѣлался извѣстностью. Всѣ нарасхватъ читали его басни, искали знакомства съ нимъ, приглашали его, какъ прекраснаго чтеца, въ знатные дома. Но почести, богатство, слава не испортили души Крылова. До конца жизни оставался онъ простымъ, добродушнымъ, шутливымъ человѣкомъ. Смѣшныя черточки, какъ почти и въ каждомъ человѣкѣ, были и въ немъ; такъ, онъ любилъ долго спать, много ѣсть, мало двигаться; былъ неряшливъ — но это все не мѣшало быть Ивану Андреевичу твердымъ и настойчивымъ, когда нужно. Задавшись какой-нибудь цѣлью, Крыловъ весь отдавался работѣ и всегда доводилъ ее до конца.

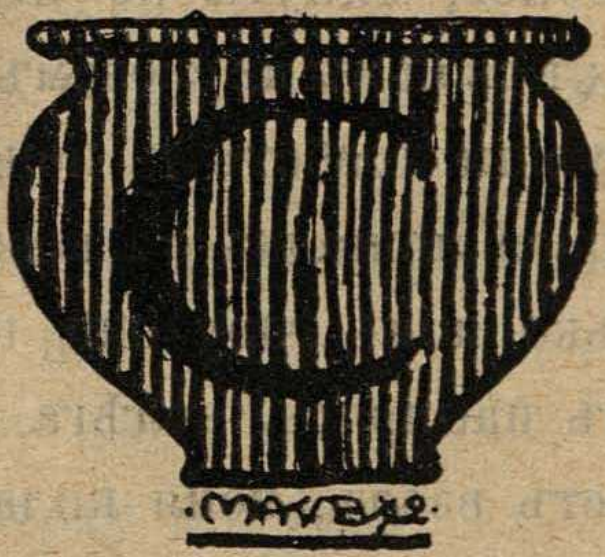
Крыловъ дожилъ до глубокой старости; умеръ онъ 76 лѣтъ, похороненъ былъ, съ большими почестями, въ Александро-Невской лаврѣ, а спустя 12 лѣтъ, на деньги, собранныя со всѣхъ концовъ Россіи, ему поставили въ Петербургѣ, въ Лѣтнемъ саду, красивый памятникъ, на которомъ онъ изображенъ такимъ, какимъ былъ въ старости, сидящимъ на камнѣ и окруженнымъ героями своихъ басенъ. Вокругъ памятника всегда можно видѣть веселую дѣтвору, которая любитъ собираться у „дѣдушки Крылова“, и среди игръ, вспомнивъ ту или иную знакомую басню, отыскивать на памятникѣ изображенія животныхъ и людей этой басни.

ОБОЗЪ

Съ горшками шелъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
„Ай конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень. Косо! криво!
Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять!
А тутъ бы влѣво лишь принять.

Какой оселъ! Добро бы было въ гору
Или въ ночную пору;
А то и подъ гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Гляди-тко насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!"
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ;
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй—и съ возомъ бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же,
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.



Крестьянинъ въ бѣдѣ.

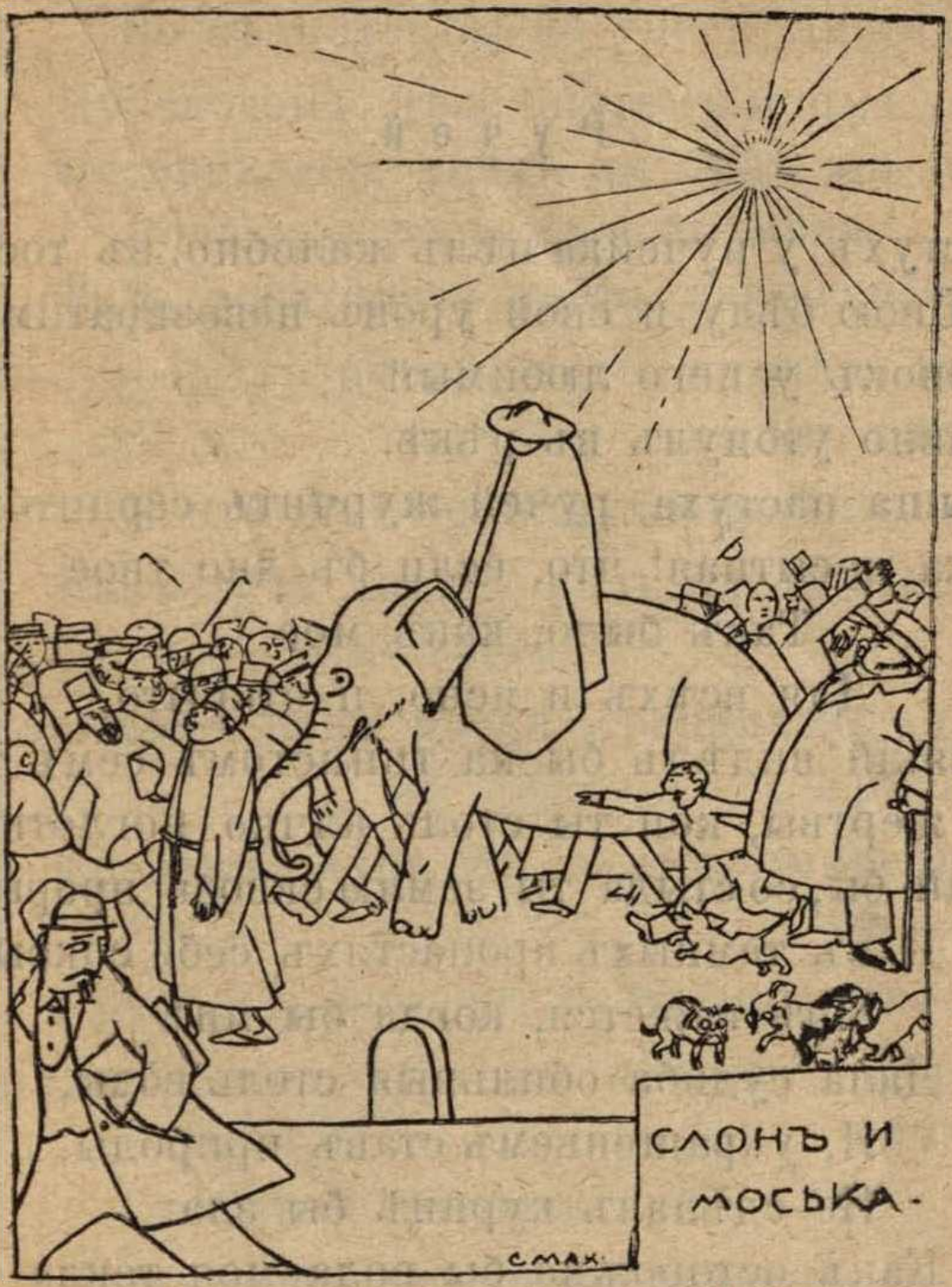
Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть, и, на просторѣ
Обшаря стѣны всѣ и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ;
И то сказать: какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою.
Хоть по міру поди съ сумою;
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
„Нельзя ли“, говоритъ, „помочь бѣдѣ моей?“
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ,
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: „эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ“.

Сватъ Климычъ говоритъ: „впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить“.
— „Эхъ, братцы, это все не такъ“,
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
„Не то бѣда, что клѣть далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;
Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ жучки; я бы радъ сосѣда дорогого
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить“.
И словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ,
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

На свѣтѣ таково жъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ и впрямь;
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ—
И нѣмъ, и глухъ.

Слонъ и Моська.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно, на показъ.
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ;
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Огколѣ ни возьмись, навстрѣчу моська имъ.
Увидѣвши слона, ну, на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться;
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
„Сосѣдка, перестань срамиться“,
Ей шавка говоритъ: „тебѣ-ль съ слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ Впередъ,
И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ“.
— «Эхъ, эхъ!“ ей моська отвѣчаетъ:
„Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большія забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
„Ай моська! знать, она сильна,
Что лаетъ на слона!“


СЛОНЪ И
МОСЬКА.
СМАХ.

Ручей.

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно, въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
Услыша пастуха, ручей журчитъ сердито:
„Рѣка несытная! что, если бъ дно твое
Такъ было, какъ мое,
Для всѣхъ и ясно, и открыто,
И всякій видѣлъ бы на тинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай бы, со стыда ты землю сквозь прорыла,
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь водЫ,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла:
Какъ осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки, и каждаго кусточка!

Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга,
Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ, ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро".
Такъ говорилъ ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.
И что жъ? не минуло недѣли,
Какъ туча ливная надъ ближнею горой
Разсѣлась
Богатствомъ водъ ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но, ахъ, куда въ ручьѣ смиренность дѣлась!
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валяетъ дубы:
Лишь трески слышны вдалекѣ;
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ

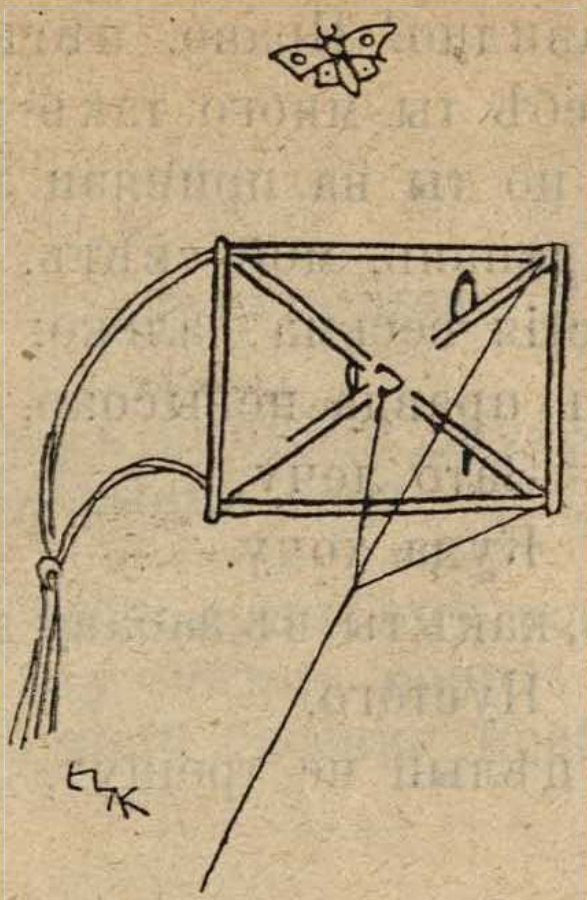
Пенялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
И такъ журчатъ для сердца сладко,
Лишь только оттого, что мало въ нихъ воды!

Хозяинъ и мыши.

Купчина выстроилъ амбары,
И въ нихъ поклалъ съѣстные всѣ товары
А чтобъ мышиный родъ ему не навредилъ,
Такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ.
Спокоенъ отъ мышей купчина;
По кладовымъ и день, и ночь дозоръ;
И все бы хорошо, да сдѣлалась причина:
Въ дозорныхъ появился воръ.
У кошекъ, какъ у насъ (кто этого не знаетъ?),
Не безъ грѣха въ надсмотрщикахъ бываетъ.

Тутъ, чѣмъ бы вора подстеречь,
И наказать его, а правыхъ поберечь,
Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь.
Услыша приговоръ такой замысловатый,
И правый тутъ, и виноватый
Скорѣй съ двора долой.
Безъ кошекъ сталъ купчина мой;
А мыши лишь того и ждали, и хотѣли:
Лишь кошки вонъ, онѣ—въ амбаръ,
И, въ двѣ иль три недѣли,
Поѣли весь товаръ.



Бумажный змѣй.

Запущенный подъ облака
Бумажный змѣй, примѣтя свысока,
Въ долинѣ мотылька,
„Повѣришь-ли!“ кричитъ: „чуть-чуть тебя
мнѣ видно;
Признайся, что тебѣ завидно
Смотрѣть на мой высокій столь полетъ“.

— „Завидно? Право, нѣтъ!
Напрасно о себѣ ты много такъ мечтаешь:
Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.
Такая жизнь, мой свѣтъ,
Отъ счастія весьма далеко;
А я, хоть правда невысоко,
Зато лечу,
Куда хочу.
Да я же такъ, какъ ты, въ забаву для другого,
Пустого,
Вѣкъ цѣлый не трещу“.

Роща и огонь.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы
кроетъ—
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять еще яснѣй,
Послушай басенки моей.

Зимою огонекъ подъ рощей тлился;
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными за-
бытъ.
Часъ-отъ-часу огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; огонь мой чуть горитъ,
И, видя свой конецъ, такъ рощѣ говоритъ:
„Скажи мнѣ, роща дорогая!
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты, совсѣмъ нагая?“
— „Затѣмъ, что, вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу“,
Огню такъ роща отвѣчаетъ.

— „Бездѣльница!“ огонь ей продолжаетъ:
„Лишь подружись со мной, тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ, и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ, и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ, иль зрѣетъ:
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно спѣсиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!“
Вотъ, дѣло слажено: ужъ въ рощѣ огонекъ
Становится огнемъ; огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ—и тамъ, гдѣ въ зной-
ны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни,
И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнемъ дружиться!

ТУЧА

Надъ изнуренною отъ зноя стороною
Большая туча пронеслась;
Ни каплею ея не освѣжа одною,
Она большимъ дождемъ надъ моремъ пролилась,
И щедростью своей хвалилась предъ горою.
„Что сдѣлала добра
Ты щедростью такою?“
Сказала ей гора:
„И какъ смотрѣть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Ты область цѣлую отъ голода спасла;
А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно“.

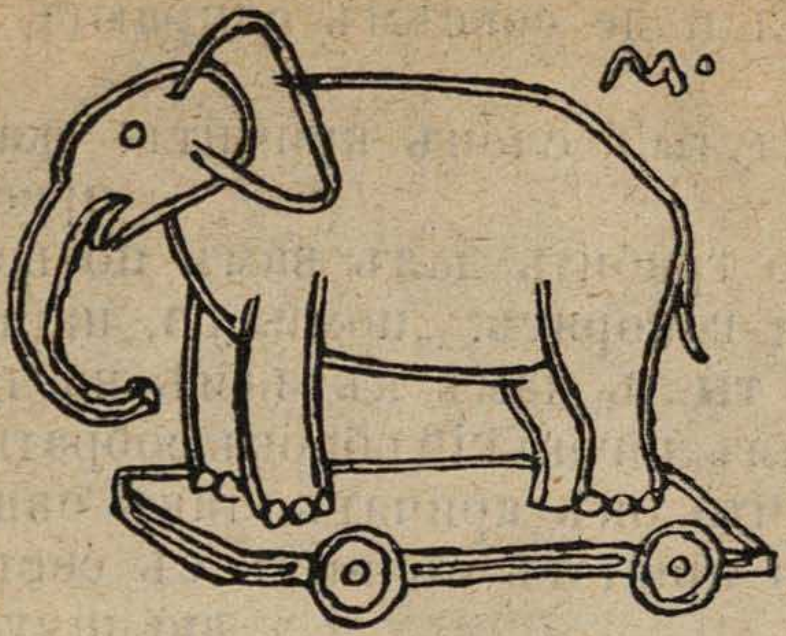
Ларчикъ.

Случается нерѣдко намъ
И трудъ, и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.

—

Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякій ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ: „ларецъ
съ секретомъ;
Такъ, онъ и безъ замка̀;
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ исподтишка!
Я отыщу секретъ и ларчикъ вамъ открою:
Въ механикѣ и я чего-нибудь да стою“.
Вотъ за ларецъ принялся онъ:
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,
И голову свою ломаетъ;

То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
„Не тутъ, не такъ, не тамъ!“ Механикъ
пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ, но наконецъ усталъ,
Отъ ларчика отсталъ,
И, какъ открыть его никакъ не догадался:
А ларчикъ просто открывался.



Слонъ на воеводствѣ.

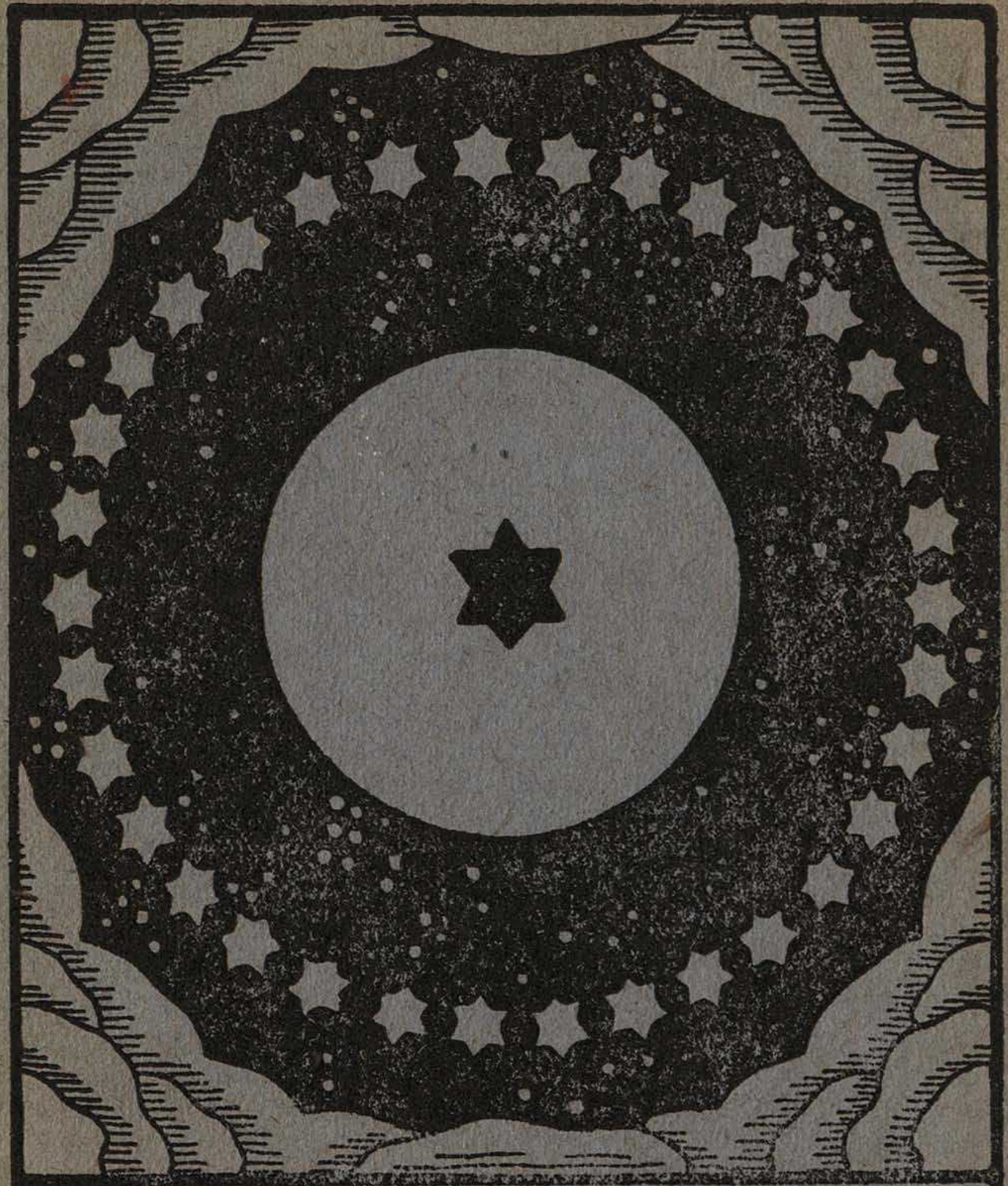
Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

—

На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ слонъ.
Хоть, кажется, слоновъ и умная порода,
Однако же въ семьѣ не безъ урода:
Нашъ воевода
Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ;
А съ умыслу онъ мухи не обидитъ.
Вотъ добрый воевода видитъ:
Вступило отъ овецъ прошеніе въ приказъ:

„Что волки де совсѣмъ сдираютъ кожу
съ насъ“.
— „О плуты!“ слонъ кричитъ: „какое
преступленье!
Кто грабить далъ вамъ позволенье?“
А волки говорятъ: „помилуй, нашъ отецъ!
Не ты-ль намъ къ зимѣ на тулупы
Позволилъ легонькій оброкъ собрать съ овецъ?
А что онѣ кричатъ, такъ овцы глупы:
Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры
по шкуркѣ снять,
Да и того имъ жаль отдать“.
— „Ну, то-то жъ“, говоритъ имъ слонъ:
— „смотрите!
Неправды я не потерплю ни въ комъ:
По шкуркѣ, такъ и быть, возьмите;
А больше ихъ не троньте волоскомъ“.

Тип. „Родникъ“. Спб. Невскій 88.



Безплатное прилож. къ № 1 „Солнышка“.
1913 г.

ТИП. „РОДНИКЪ“, СПБ., НЕВСКІЙ 88.